

Е.Г. Новикова

Томский государственный университет

**Научная конференция «Нация и мир в русской литературе.
Современные проблемы изучения творчества И.А. Гончарова»
(Томск, 17 – 18 мая 2013 г.)**

Аннотация: Конференция «Нация и мир в русской литературе. Современные проблемы изучения творчества И.А. Гончарова» была посвящена 200-летию со дня рождения писателя, современным проблемам изучения его жизни и творчества, исследованию вопроса о специфике российского менталитета в широком контексте русской и мировой литературы и культуры.

The scientific conference «The Nation and the World in Russian Literature. Contemporary issues in the study of Goncharov's works» was dedicated to the 200th anniversary of the writer's birth, analysis of the contemporary issues in studying his life and creative work, investigation of the peculiarity of Russian mentality within the wide context of Russian and world culture and literature.

Ключевые слова: И.А. Гончаров, русская литература, семиотика культуры, русский национальный характер.

Ivan A. Goncharov, Russian literature, semiotics of culture, Russian national character.

УДК: 821.161.1.

Контактная информация: Томск, ул. Ленина 36. ТГУ, филологический факультет, кафедра русской и зарубежной литературы. E-mail: elennov@mail.ru.

Научная конференция «Нация и мир в русской литературе. Современные проблемы изучения творчества И.А. Гончарова», состоявшаяся в Национальном исследовательском Томском государственном университете в мае 2013 г., была посвящена 200-летию со дня рождения писателя. Она показала, что современное осмысление творчества Гончарова связано с проблемами национальной идентичности, с обращением к широкому контексту русской и мировой литературы и культуры.

Работу первой секции «Нация и мир в творчестве И.А. Гончарова» открыл **А.С. Янушкевич** (Томск) докладом «Роль концептов русской поэзии в миромоделировании романа И.А. Гончарова “Обыкновенная история”». В центре его доклада – идея о связи поэтики романа Гончарова с концепцией жизнестроительства героев и творческого самоопределения автора. Как показал докладчик, гончаровский роман уникален прежде всего этой установкой на миромоделирование, и в этом смысле особенности его жанровой структуры, образной системы, проблематики имеют ярко выраженный текстопорождающий характер. Опираясь на современную теорию нарратологии, можно говорить об особенностях его экзегезиса: этот план повествования в «Обыкновенной истории» обрел поистине визуальный характер. Около 70 курсивов, 19 фрагментов поэтического текста, оформленных в виде цитат, особый пласт вопросительной интонации организуют особое пространство миромоделирования, генетически связанное с поэтической традицией предшествующей эпохи. Гончаровские курсивы в «Обыкновенной истории» –

это своеобразные концепты и семантические универсалии. Своеобразная вязь курсивов формирует оригинальное поле рефлексии. С этим связана и установка писателя на самоопределение в области романной поэтики. Поэтика палимпсеста как своеобразного поведенческого миромоделирования организует всё пространство текста гончаровского романа. В этом отношении особенно показательны те манипуляции, которые автор-нарратор проделывает с текстом романа «Евгений Онегин». Память об идиллической поэзии сентиментализма, о романтизме пушкинской эпохи, о духе поэзии жизни самого Пушкина, переживание собственных поэтических опытов и поэзии современников (А.С. Хомякова, В.Г. Бенедиктова) вступают в непосредственный контакт с сюжетом романа, с историей духовной и жизненной Одиссеи дяди и племянника Адуевых, их деревенских родственников, женщин, встретившихся на их пути. Курсивы, цитаты, эмфатика, палимпсестная эстетика, нарративные стратегии формируют особое романное пространство не прозомерии, не поэтической прозы, но философии эпохального фронта как мироощущения и миромоделирования. Текст романа «Обыкновенная история» формировавал через экзегетическую модель оригинальную семиосферу русской жизни переходной эпохи и героя фронтирной ситуации.

Проблематика первого доклада была продолжена в выступлении **Н.Ж. Ветшевой** (Томск) ««Диалогический роман» И.А. Гончарова “Обыкновенная история”: цитата, реминисценция, интертекст». Она размышляла о том, что Пушкин и Гончаров традиционно сближаются в пространстве и времени русской литературы: если Пушкин задает норму национального мирообраза, то Гончаров в романной трилогии «Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв» создает эпическую художественную онтологию и антропологию, исследует диалектику русского национального характера и пути развития России. Пушкинские реминисценции в «Обыкновенной истории» становятся аргументами в спорах героев, иронически снижая романтическую восторженность Александра и показывая неполноту прагматизма Петра Ивановича. Благодаря пушкинским реминисценциям создается дистанция между автором-повествователем и героями, а в «обыкновенной» истории трансформации юного идеалиста в человека «как все» высвечивается пушкинская традиция и проявляется эстетическая и художественная мечта Гончарова о целостности русского национального мира в гармонии идеала и реальности.

В докладе **И.А. Поплавской** (Томск) «Роман И.А. Гончарова “Обрыв” как метатекстуальный роман» была выявлена связь последнего романа писателя с романтической эстетикой жизнестроительства и ее новым осмыслением в эпоху 1850–1860-х гг. Главное внимание в докладе было уделено изображению Райского как героя-художника, творчество которого становится предметом рефлексии и метарефлексии как со стороны самого героя, так и со стороны автора. Ведущий принцип Райского-творца определяется в докладе как принцип эстетического восполнения жизни искусством и одновременно восполнения литературы живописью, музыкой, скульптурой. Также метатекстуальная природа романа Гончарова была исследована в аспекте типологии героев и с точки зрения формирования особенностей национального мирообраза.

Выступление **А.А. Казакова** (Томск) «Ценностная архитектоника “романтизма разочарования” (Д. Лукач) в произведениях И.А. Гончарова» было посвящено философским аспектам осмысления творчества писателя. Докладчик говорил о том, что в своём первичном облике ценностная архитектоника непредметна (по определению М. Хайдеггера – бытийна), однако в конкретной художественной практике нередко наблюдается субстантивация ценностей. Именно в этом отношении очень интересно творчество Гончарова, по мысли докладчика. В романе Гончарова – «романе разочарования» или «романе утраченных иллюзий», по характеристике Д. Лукача, – внешнее и внутреннее действуют как две системы отсчета, каждая из которых по-своему оправдана, но, одновременно, опровергнута. Внешний мир прозаичен, безыдеален, здесь торжествует пошлость, но он

обладает и неопровержимым достоинством – это реальность. Внутренний мир иллюзорен, субъективен, неподтверждаем, но в нем есть идеальное, возвышенное, прекрасное, любовь. Как можно увидеть, поверх субстантивации, территориальной разметки действительности на внутреннее и внешнее пробивается интерес к бытийному – бытийная полновесность оказывается одним из важнейших ценностных факторов.

Н.В. Хомук (Томск) в своем докладе «Тело и телесность в стратегии повествования “Фрегата «Паллада»» отметил, что создание книги очерков стало переломным моментом в поэтике писателя: в прежде написанной «Обыкновенной истории» Гончарова интересовал прежде всего фактор человеческого сознания в его диалоге с миром, а после книги очерков, в романе «Обломов» – имманентность для человека многообразной телесной связи с бытием и вырастающая из этого новая поэтика. Романский герой несет в себе изначальную эпичность. Залогом такого телесного потенциала эпичности является система концепта «тела» в его дискурсивных возможностях книги очерков «Фрегат “Паллада”». Автор-повествователь в своем телесном присутствии становится мерой оценки новой экзотической действительности; телесная вовлеченность в художественное отражение способствовало изменению художественных критериев (поэтическое / прозаическое, существование / несуществование), создавало новые феноменологические элементы смыслополагания. Открывается существенная разнородность жизни, мерой для которой становится не только «мыслимое» (т.е. сознание), как прежде, а телесная аутентичность. Любой объект «чужого» становится на границу своего / другого; культурные представления или ожидания редуцируются к первичному телесно-жизненному пропусканию и преобразению в письме. Именно благодаря телесной феноменологии во «Фрегате “Паллада”» формируется единый образ живого космоса через способность человеческой самоидентификации.

Проблематика книги очерков Гончарова была продолжена в выступлении **С.А. Курило** (Томск) «Образ Англии в книге И.А. Гончарова “Фрегат «Паллада»». В докладе был собран и систематизирован обширный материал обращения писателя к теме Англии во «Фрегате “Паллада”»: образ Англии, образ Лондона, тип англичанина, тип англичанки. Особого внимания заслуживает изображение и описание английских моряков, служивших на фрегате. С ними в текст книги входит английский язык морских терминов XIX в.

Доклад **Е.Г. Новиковой** (Томск) «Сибирь И.А. Гончарова» был посвящен специальному анализу сибирских глав книги очерков писателя. В докладе был проделан сравнительный анализ двух очерковых циклов с описанием Сибири – «Фрегата “Паллада”» Гончарова и «Из Сибири» А.П. Чехова, и было показано, что авторские позиции здесь принципиально различны: если для Чехова Сибирь – это «свое» пространство, то для Гончарова – принципиально «чужое». В этом смысле показательным то, что описание путешествия по Сибири во «Фрегате “Паллада”» заканчивается приближением к Иркутску – первому городу уже собственно русской культуры. В центре внимания Гончарова – Дальний Восток и Восточная Сибирь, описанные им как самобытные, по-своему, столь же экзотичные пространства, как изображенные в книге ранее Сингапур, Гонконг, Япония и др. Внимание Гончарова сосредоточено на описании коренных жителей Сибири и на вопросах цивилизаторской деятельности в этом крае. Необходимые условия цивилизации Сибири, по Гончарову, – ее христианизация и экономическое развитие. При этом к теме Сибири как страны «тюрьмы и ссылки» Гончаров в своей книге не обращается.

Вторая секция конференции «И.А. Гончаров и время» открылась докладом **Л.А. Ходанен** (Кемерово) «Лермонтовское наследие в оценке И.А. Гончарова как цензора и критика». В докладе были показаны литературно-критические оценки и цензорская деятельность Гончарова в отношении к лермонтовскому наследию. Было отмечено, что в статьях и в эпистолярной писателя основное внимание уде-

лено роману «Герой нашего времени». В своих суждениях о Печорине Гончаров развивает эстетическую теорию реализма в области характерологии и типологии героев. Деятельность Гончарова-цензора была раскрыта в докладе в связи с представлением к печати собрания сочинений М.Ю. Лермонтова под редакцией С.С. Дудышкина. В составленном Гончаровым цензурном протоколе отмечено стремление обосновать публикацию в России ранее запрещенных произведений Лермонтова, чтобы более полно раскрыть русскому читателю его творчество.

О.Б. Лебедева (Томск) в своем докладе «Комедия А.С. Грибоедова “Горе от ума” в интерпретации И.А. Гончарова» обратилась к литературно-критическому этюду писателя «Милльон терзаний» (1872), давно и высоко оцененному в русском литературоведении. При этом, как было показано в докладе, полнота новаторства и глубины прочтения Гончаровым великой комедии до сих пор остается во многом недооцененной, и степень новаторства и гениального прозрения Гончарова в самую суть конструкции грибоедовского шедевра до сих пор осознана недостаточно. Между тем, именно глубинные смыслы гончаровского этюда являются прямой предпосылкой и концептуальной базой представлений современного литературоведения о поэтике комедии «Горе от ума». Писатель был полно информирован об основных проблемах обсуждения комедии Грибоедова русской критикой: это типология героя, своеобразие действия и конечный смысл, «высшее содержание» грибоедовской комедии. В этюде «Милльон терзаний» сознательно выстроена концепция грибоедовской пьесы, альтернативная общим мнениям. Гончаров доказал, что Чацкий воистину умен новаторским анализом не столько самого образа главного героя, сколько ситуации, в которой герой оказывается. В своем анализе Гончаров впервые обнаружил и наглядно продемонстрировал тот самый тонкий и глубокий психологический узел комедии, который является исчерпывающей, хотя и совершенно потаенной, мотивировкой всех внушающих недоумение кажущихся несуразностей в образе действий и словах Чацкого. Именно Гончарову первому удалось увидеть то свойство комедии, которое долго продолжало оставаться невидимым для русской критики: ее глубокий и точный психологизм, реализованный в резко своеобразной структуре драматического действия, которое на двух уровнях его развития и в двух разных сюжетах и ситуациях одного героя связано тайной психологической мотивировкой одного уровня другим. В радикальном отличии образа Чацкого от образов остальных персонажей великой комедии, которое с эстетической точки зрения описано, но не прокомментировано Гончаровым, заключена и глубинная перспектива общей критической мысли писателя, потенциально возводящей образ центрального героя до статуса «вечных» литературных образов и даже до высот архетипических. Роль Гончарова в интерпретации комедии Грибоедова можно уподобить роли Аристотеля в интерпретации законов драматического рода: высказанные писателем мысли в русском грибоедоведении продолжены, развиты, дополнены, досказаны, временами даже частично опровергнуты, но по большому счету продолжают оставаться неотъемлемыми: в герменевтическом отношении этюд Гончарова «Милльон терзаний» представляет собой то, что Ю.Н. Тынянов называл «литературным фактом», а персонаж одного из гончаровских современников, Рахметов – «капитальным сочинением».

Доклад **Э.М. Жиликовой** (Томск) «А.Н. Островский в оценке И.А. Гончарова» был посвящен вопросу об отношении романиста к «лучшему современному писателю», в художественной манере которого писатель отметил эпичность как художественное воплощение национального духа русской жизни. Особо в докладе был поставлен и осмыслен вопрос типологического схождения Гончарова и Островского в пореформенный период творчества романиста, проявившейся в нравственно-философском содержании символики (Волга, гроза), в драматических коллизиях и типологии женских образов в драме «Гроза» и романе «Обрыв».

В докладе **И.А. Юртаевой** (Кемерово) «Отзыв Л.Н. Толстого об И.А. Гончарове в трактате “Что такое искусство?”» был поставлен вопрос о том, почему Л.Н. Толстой в трактате «Что такое искусство?» (1898) избрал роман И.А. Гончарова «Обломов» в качестве основного объекта для «расправы» (Б.М. Эйхенбаум) над «традиционным» классическим романом XIX века. Известно, что Л.Н. Толстого и Гончарова связывала долгая творческая дружба, и после первого прочтения «Обломова» в письме к А.В. Дружинину от 16 апреля 1859 г. Л.Н. Толстой восторженно отзывался о романе Гончарова, назвав его «капитальнейшей вещью». Основная причина изменившегося отношения Л.Н. Толстого к роману Гончарова после повторного прочтения романа в 1889 г. заключается в том, что после пережитого кризисного перелома изменяются и взгляды Л.Н. Толстого на цели и задачи искусства, писатель встает «на позиции идеолога и защитника патриархального крестьянства». В образе Обломова Л.Н. Толстой увидел итоговую ступень развития типа «лишнего человека», который, по мысли писателя, уже не соответствовал требованиям эпохи. Эпическая полнота бытия, представленная в романах Гончарова в сложном единстве противоречий, также не могла удовлетворять Л.Н. Толстого, поскольку, по мысли художника, создавшего собственное этико-религиозное учение, здесь не хватало важнейшего качества, отличающего подлинное художественное произведение – новизны «как указания нового творящего отношения человека к миру». Истинное произведение искусства, писал Л.Н. Толстой в трактате «Что такое искусство?», должно передавать «чувства новые, еще не испытанные людьми», и подлинные произведения искусства, имеющие художественное значение, должны отражать новый этап уяснения «религиозного содержания, показывающего высшую ступень понимания жизни».

Тема «И.А. Гончаров и Л.Н. Толстой» была продолжена в выступлении **О.Е. Гевель** (Красноярск) «К проблеме «И.А. Гончаров – Л.Н. Толстой»: Волохов / Долохов». В докладе было подчеркнуто, что единство культурного контекста романов конца 1860-х гг. – «Войны и мира» Л.Н. Толстого и «Обрыва» Гончарова – обуславливает общность ряда повествовательных решений. В частности, это совпадения в мотивной структуре образов Федора Долохова и Марка Волохова. Обращается внимание на созвучие имен персонажей, сходство внешности и сюжетных функций. Реконструирована объединяющая героев мифопоэтическая мотивная корреляция, включающая в себя образы собаки, волка, разбойника, влияющие также и на сюжетные роли Долохова и Волохова (похищение девушки: у Толстого – Наташи, у Гончарова – Веры). Интертекстуальная соотношенность двух персонажей (ни одним автором не задокументированная как осознанная) указывает на глубинные связи этих столь разных произведений, на стихийный мифологизм русской классической литературы.

Завершил конференцию доклад **Е.В. Швагруковой** (Томск) «Творчество И.А. Гончарова в восприятии В.В. Набокова». В докладе была показана модернистская рецепция творчества И.А. Гончарова: была проанализирована эстетическая позиция В.В. Набокова по отношению к личности и творчеству писателя-классика. Материалом для анализа выступили такие произведения Набокова, как романы «Защита Лужина» (1929) и «Дар» (1939), две книги автобиографической прозы «Другие берега» (1954) и «Speak, Memory!» (1967), а также переписка писателя с американским исследователем Э. Уилсоном. В числе авторских стратегий при работе с текстами романов Гончарова «Обломов» и «Обрыв» Набоков использует прямое и скрытое цитирование, метафору, парафраз. Отказывая произведениям классика в эстетической ценности и относя Гончарова к писателям «второго ряда», Набоков, тем не менее, использует сюжетные ходы его романов в собственном творчестве, перерабатывая их художественно. Можно утверждать, что творчество Гончарова, строго оцененное Набоковым, обладало серьезным текстопорождающим потенциалом, о чем писателю-модернисту было превосходно известно, и явилось материалом для литературы XX века.

В целом, конференция «Нация и мир в русской литературе. Современные проблемы изучения творчества И.А. Гончарова» показала многообразие творческого наследия писателя (художественные тексты, очерки, литературная критика, протоколы цензора), которое, безусловно, адекватно культурной ситуации начала XXI в. и поэтому нуждается в дальнейшем глубоком и заинтересованном изучении.